

АПОФЕНИЯ

РОМАН

18+

Виктор Новицкий

Апофения

«Автор»

2026

Новицкий В.

Апофения / В. Новицкий — «Автор», 2026

— Первое чувство — всегда боль.— Я готова.— Нет. Но это не важно. Джоан Хэкетт не чувствует ничего. Шестнадцать лет тишины. Работа в морге. Пустота. Подпольный театр «Эмпатическая Опера» обещает ей выход. Здесь, под землёй, богатые платят за чужую боль. Здесь можно заработать на операцию, которая вернёт чувства. Нужно только мыть полы, подавать скальпель и не задавать вопросов. Но когда Джо встаёт между человеком, который хочет её использовать, и человеком, который ей верит, — ей приходится выбирать. И она выбирает себя. «Апофения» — роман о том, что бывает, когда пустой человек наконец наполняется. О крови, предательстве и читателе, который становится соучастником. Ты — зритель. Ты — часть «Оперы». И ты только что аплодировал.

© Новицкий В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Виктор Новицкий

Апофения

Глава

АПОФЕНИЯ

ЭПИГРАФ

Мы видим то, что хотим видеть.

Мы верим в то, во что хотим верить.

Всё остальное — просто шум.

Из лекции доктора Винсента Корво

ПРОЛОГ

Ты хочешь знать, чем всё кончится. Ты открыл эту книгу не для того, чтобы развлечься. Ты открыл её, потому что тебе скучно. Потому что твоя собственная жизнь — серая, безопасная, предсказуемая — не даёт тебе того, что ты ищешь. Ты хочешь острых ощущений. Ты хочешь заглянуть в бездну. Что ж. Заглядывай. Вот женщина. Её зовут Джоан Хэкетт. Ей двадцать четыре года. Она работает в морге городской больницы Святого Иуды. Она не чувствует запаха смерти. Она не чувствует ничего — ни страха, ни радости, ни любви. Шестнадцать лет назад она упала с качелей и разбила голову. С тех пор внутри неё тишина. Вот мужчина. Его зовут Винсент Корво. Он носит серые костюмы и улыбается, когда умирают люди. Он создал театр под землёй — место, где богатые платят за то, чтобы смотреть на чужую боль. Он называет это искусством. Вот ещё один мужчина. Его зовут Лео Донован. Он ищет свою сестру. Он верит в справедливость. Он ещё не знает, что справедливости не существует. И вот ты. Ты сидишь в своём кресле и перелистываешь страницы. Ты думаешь, что ты просто наблюдатель. Ты ошибаешься. Ты — часть этого. Ты — зритель. Ты — соучастник.

Глава 1: ТЕЛЮ

Флуоресцентные лампы гудели на одной ноте, как застрявшая в голове мелодия, которую невозможно дослушать до конца. Джо работала в морге городской больницы Святого Иуды три года и давно перестала замечать этот звук. Как и запах. Запаха она не чувствовала в принципе.

Врачи говорили — последствия травмы. Качели в трейлерном парке, бетонный бордюр, удар затылком. Три недели комы. Когда она проснулась, мир стал тише. Не в смысле звука — в смысле ощущений. Мать плакала у кровати, слёзы капали на больничное одеяло, оставляя тёмные круги. Джо видела это и понимала: женщина страдает. Но внутри было тихо, как в комнате, откуда только что вынесли всю мебель.

Позже мать легла в ванну с бритвенным лезвием. Джо нашла её. Вода была розовой и тёплой. Она помнила, как пар поднимался к потолку, и это было красиво. Ни страха, ни горя. Просто факт, просто вода, просто пар.

Сейчас Джо было двадцать четыре. Она стояла над телом Кейтлин Моррисон, тридцати двух лет, домохозяйки из хорошего района, которая начала с обезболивающих после операции на спине, а закончила на столе из нержавеющей стали. Героин. Следы на предплечьях, как пунктирная карта в никуда. Хорошая кожа, дорогое бельё, аккуратный педикюр. Пальцы ног с идеальным красным лаком торчали из-под простыни — последнее, что осталось от прежней жизни.

Джо взяла скальпель и сделала Y-образный разрез. Кожа разошлась. Жёлтый жир, мышцы, рёбра. Она работала быстро и ровно, как швея, знающая каждую строчку наизусть. Извлечь органы, взвесить, описать, вернуть обратно, зашить. Руки помнили всё сами.

Она думала о своём.

Операция в Техасе стоила пятьдесят тысяч долларов. Экспериментальная перепрошивка нейронных связей. Доктор Руис, лишённый лицензии в трёх штатах, обещал результат: вкус еды, тепло солнца, запах дождя. Любое чувство, кроме этой бесконечной серой тишины. Джо копила два года, но на зарплату ночного техника в морге много не соберёшь. Пять тысяч лежало на счёте. Ещё сорок пять — где-то в другой вселенной.

Она зашивала грудную клетку, когда заметила шрам.

За левым ухом покойной, прямо под линией волос. Свежий, не больше недели. Аккуратный, хирургический, но грубый — как будто кто-то очень торопился. Джо нахмурилась, раздвинула волосы и наклонилась ближе. Под кожей, прямо в височной кости, пальпировалось что-то твёрдое. Оно сидело там, как пуля, забытая хирургом.

Она взяла тонкий пинцет, раздвинула края шва. В глубине блеснул металл. Крошечный цилиндр, размером с рисовое зерно. От него тянулись микроскопические проводки глубже, в мозг. Имплантат. Не кустарный, не больничный. Такие вещи не вшивают без документов, без отметок в медкарте, без согласия. Это была подпольная работа. Военная? Или что-то из частных разработок — дорогих и очень незаконных.

Джо вытащила чип. Он вышел легко, с влажным звуком, какой бывает, когда вынимаешь ногу из мокрой глины. Она положила его на металлический лоток, протёрла спиртовой салфеткой и сунула в карман халата.

Кейтлин Моррисон лежала на столе с защитой грудью и дыркой за ухом, из которой больше ничего не торчало. Джо накрыла её простынёй и выключила лампу.

Вечером, в трейлере, она сидела за столом и вертела чип в пальцах. Холодный, лёгкий, почти невесомый. За окном моросил дождь — обычный для Фэйргринда, серый и бесконечный, как очередь в бесплатной столовой. Джо подключила чип через самодельный переходник к ноутбуку.

Экран моргнул. Система долго не могла распознать устройство, потом выдала единственный файл. Текстовый документ. Две строки.

«Красная дверь. Краули Стил. Пятница, 22:00. Допуск: АЛЬФА.»

И сумма. Пятьдесят тысяч долларов. В биткоинах, с уже привязанным кошельком. Достаточно было прийти по адресу и сказать пароль. Или просто прийти. Мёртвая девушка не сказала бы ничего.

Джо закрыла ноутбук. Посидела в темноте. Оранжевый свет с парковки бил сквозь немытое окно и лежал на полу жёлтой полосой, как дорожная разметка, ведущая в никуда.

Она не чувствовала страха. Страх — это химия: адреналин, кортизол, учащённый пульс. Её организм не производил этих реакций. Но она чувствовала что-то другое — слабое, едва различимое, как шум радиостанции между частотами. Интерес? Предвкушение? Она не знала, как это называется. Но это было хоть что-то.

Пятьдесят тысяч. Билет в Техас. Операция. Шанс стать человеком.

Пятница — послезавтра.

Она легла на матрас, брошенный прямо на пол, и закрыла глаза. Дождь барабанил по крыше. Капли стучали, как пальцы по столу, как метроном, как шаги за дверью, которые никто не услышит. Джо заснула без снов.

Снов у неё не было уже шестнадцать лет.

Глава 2: ДО ТРАВМЫ

До того как качели сломались, Джо была обычным ребёнком.

Она жила с матерью в трейлерном парке на окраине Фэйргринда. Трейлер был старым, но ухоженным — мать красила стены каждую весну, разводила герань на крошечном крыльце, вешала занавески с ромашками. Отец погиб, когда Джо было четыре: его грузовик вылетел с трассы во время ледяного дождя. Она почти не помнила его — только запах табака и большие руки, которые подбрасывали её к потолку.

Мать работала официанткой в придорожной закусочной «У Большого Джо» — место, где подавали яичницу с беконом за три доллара и безвкусный кофе, который дальнбойщики пили литрами. Она уходила в пять утра и возвращалась в десять вечера, пахнущая жареным маслом и усталостью. Джо ждала её, сидя на крыльце, рисовала мелками на асфальте или читала книжки, которые брала в школьной библиотеке.

Она была весёлым ребёнком. Она смеялась, когда соседский пёс гонялся за белками. Она плакала, когда упала с велосипеда и разбила коленку. Она боялась грозы и залезала под одеяло с головой. Она любила мать — настоящей, горячей любовью, от которой щемило в груди.

В тот день — день, который разделил её жизнь на «до» и «после», — мать взяла выходной. Они пошли в парк при церкви Святого Иуды — единственный парк в городе, где ещё работали качели. Джо помнила этот день обрывками, как старую плёнку: солнце, мамино платье в горошек, мороженое, которое таяло и капало на пальцы, скрип ржавых цепей.

— Выше! — кричала она, и мать толкала качели сильнее. — Ещё выше!

Качели взлетали, и на секунду Джо казалось, что она может дотянуться до неба.

А потом цепь лопнула.

Джо не помнила сам удар. Только короткий миг свободного падения — и темнота.

Три недели она пролежала в коме. Врачи говорили матери: «Готовьтесь к худшему». Но Джо выжила. Она открыла глаза в палате интенсивной терапии, увидела белый потолок, услышала писк монитора — и ничего не почувствовала.

Мать плакала у кровати. Слезы капали на больничное одеяло, оставляя тёмные круги. Джо смотрела на неё и понимала: эта женщина страдает. Она знала, что должна чувствовать жалость, любовь, благодарность — хоть что-то. Но внутри было тихо.

— Джо? — Мать сжала её руку. — Ты меня слышишь?

— Да.

— Ты меня узнаёшь?

— Да. Ты моя мама.

Мать разрыдалась — от облегчения. Джо смотрела на неё и ждала, когда что-то включится. Что-то, что заставит её заплакать в ответ. Обнять мать. Сказать, что всё хорошо.

Ничего не включилось.

Врачи называли это «приобретённой алекситимией высокой степени». Травматическое повреждение орбитофронтальной коры и миндалевидного тела. Связь между зонами, отвечающими за ощущения, и зонами, которые превращают ощущения в чувства, была нарушена. Простыми словами: она видела дождь, но не чувствовала уюта. Она видела кровь, но не чувствовала отвращения. Она видела мать, но не чувствовала любви.

— Это пройдёт, — говорили врачи. — Мозг адаптируется.

Мозг не адаптировался.

Мать возила её по клиникам — сначала по местным, потом по всей стране. Они потратили все сбережения, продали машину, влезли в долги. Джо прошла через десятки тестов, томограмм, консультаций. Ей прописывали антидепрессанты, нейролептики, стимуляторы. Ничего не помогало. Она была вежливой, спокойной, послушной. И абсолютно пустой.

Через два года после травмы мать сломалась.

Джо помнила тот вечер. Мать вернулась с работы особенно уставшей — в закускойной была драка, ей пришлось убирать разбитую посуду. Она села за стол, достала бутылку дешёвого виски и выпила полстакана залпом.

— Ты меня любишь? — спросила она вдруг.

Джо посмотрела на неё. Мать была красивой женщиной, но годы и горе состарили её раньше времени. Под глазами залегли тени, волосы потускнели.

— Я не знаю, — сказала Джо честно.

Мать кивнула. Допила виски. Пошла в ванную.

Джо нашла её через час. Вода была розовой и тёплой. Пар поднимался к потолку, и это было красиво. Она стояла в дверях и смотрела, как мать лежит в воде с перерезанными венами, и не чувствовала ничего.

Ни страха. Ни горя. Ни вины.

Просто факт. Просто вода. Просто пар.

После смерти матери Джо отправили в приёмную семью — первые из череды безликих домов, где она жила до совершеннолетия. Она закончила школу, потом курсы санитаров, потом устроилась в морг. Она выбрала эту работу по простой причине: мёртвые не ждали от неё эмоций.

Шестнадцать лет она жила в тишине. Шестнадцать лет она была пустой.

А потом она нашла чип в голове мёртвой женщины.

Глава 3: КРАСНАЯ ДВЕРЬ

В пятницу Джо проснулась рано. Дождь кончился, но небо оставалось серым — низким, тяжёлым, как крышка над кастрюлей. Она выпила холодный кофе из вчерашней кружки, натянула джинсы, толстовку с капюшоном и старую военную куртку, купленную в секонд-хенде за десять долларов. Куртка пахла чужой жизнью — сигаретами, потом, чем-то сладким, как старые духи.

«Форд Фиеста» 98-го года завёлся с третьей попытки. Двигатель кашлял, как курильщик по утрам. Джо выехала на Мейн-стрит, миновала центр — шесть кварталов облезлых зданий, заколоченных витрин и ломбардов с мигающими вывесками — и покатила в сторону промзоны.

Краули Стил возвышался на горизонте как скелет дохлого зверя. Огромный металлургический комбинат, закрытый ещё в девяностых. Ржавые домны, остовы цехов, трубы, которые давно ничего не выбрасывали в небо. Местные обходили это место стороной — кто из суеверия, кто из страха перед наркоманами и бродягами. Джо не боялась ни тех, ни других.

Красная дверь нашлась в глубине территории, за старым складом. Она была врезана в бетонный склон — вход в подземное бомбоубежище, оставшееся с холодной войны. Дверь и правда была красной. Цвет запёкшейся крови. Краска облупилась по краям, но сама конструкция выглядела новой, усиленной, с электронным замком вместо ручки.

Джо нажала кнопку вызова на стальной коробке у двери. Тишина. Потом динамик щёлкнул, и голос — мужской, спокойный, почти ласковый — произнёс:

— Назовитесь.

— Джоан Хэкетт. У меня допуск «Альфа». Я нашла посылку.

Пауза. Динамик снова щёлкнул.

— Заходите, мисс Хэкетт. Вас ждали.

Замок зажужжал. Дверь открылась.

За ней был не подвал с плесенью и крысами, а белый коридор, залитый светом. Пол блестел, как в операционной. Пахло антисептиком и чем-то ещё — сладковатым, как разогретый пластик. Джо пошла по коридору, отмечая детали: камеры под потолком, противопожарные датчики, усиленные стены. Всё строили не наспех, а надолго и с деньгами.

Коридор кончился холлом. Там её встретил человек.

Он был высоким, худым, в тёмно-сером костюме без галстука. Седые виски, гладко выбритое лицо, очки в тонкой оправе. Выглядел как профессор литературы из дорогого колледжа — если бы профессора литературы носили часы за сорок тысяч и смотрели на людей так, будто читают их медицинские карты.

— Винсент Корво, — представился он и протянул руку. Ладонь была сухой и горячей. Пожатие — крепкое, но не агрессивное. — Я управляю этим местом. Добро пожаловать в «Эмпатическую Оперу».

Джо не ответила. Она оглядела холл: кожаный диван у стены, стеклянный журнальный столик с альбомами по искусству, картина в тяжёлой раме — что-то абстрактное, красное и чёрное. Ничего похожего на притон или подпольную лабораторию. Скорее, холл частной клиники для очень богатых пациентов.

— Вы нашли чип в теле Кейтлин Моррисон, — продолжил Винсент. — Я знаю, потому что на чипе был датчик, который активируется при извлечении. Вы хорошо поработали — не повредили контакты, не сломали корпус. Значит, руки у вас аккуратные. Это ценно.

— Она была вашим сотрудником?

— Она была нашим экспериментом. Мы имплантируем чипы людям, которые участвуют в представлениях. Чип записывает нейронную активность. Эмоции. Чувства. Всё, что испытывает человек в момент сильного стресса. Потом эти данные обрабатываются и скормливаются зрителям.

Он улыбнулся. Зубы были ровными и белыми, но улыбка не достигала глаз.

— Зрителям, которые уже ничего не чувствуют сами. Богатые люди, пресыщенные, выгоревшие. Наркотики не работают, секс не работает, путешествия не работают. Остаётся только одно — чужая боль. Мы даём им её в концентрированном виде. Прямая трансляция эмоций через нейроинтерфейс. Они сидят в зале с датчиками на висках и переживают чужой ужас, чужую агонию, чужую смерть — как свою собственную.

Джо слушала молча. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль: *они нашли способ передавать чувства от человека к человеку*. Это было ближе к тому, что она искала, чем всё, что предлагала официальная медицина.

— Кейтлин была наркоманкой, — сказала она.

— Да. Мы нашли её в бесплатной клинике. Она была готова на всё за дозу. Мы предложили ей сделку: она участвует в одном представлении, получает деньги и чистые наркотики. Она согласилась. Но представление вышло из-под контроля. Сердце не выдержало. Мы избавились от тела, но забыли извлечь чип. Это была ошибка.

Он снял очки, протёр их платком и снова надел.

— Ошибки нужно исправлять. Вы нашли чип и пришли сюда. Это говорит о том, что вы умны. Или отчаянны. Или и то, и другое. Что вам нужно, Джоан?

— Деньги.

— Конкретнее.

— Пятьдесят тысяч долларов. На операцию.

Винсент кивнул, будто ожидал именно этого ответа.

— У меня есть для вас работа. Нам нужен уборщик. Звучит не очень, но платят хорошо. Тысяча долларов за смену. Вы будете убирать после представлений. Тела, кровь, биологические отходы. Никаких вопросов, никаких эмоций, никаких ошибок. Судя по вашему состоянию, — он легонько коснулся пальцем своего виска, — с эмоциями у вас проблем не будет.

— Откуда вы знаете про моё состояние?

— Я был психиатром до того, как занялся этим. Лицензию отозвали, но навыки остались. Я читаю людей. Вас читать особенно легко — вы пустая. Я таких видел, но редко. Обычно пустота приходит после того, как что-то сломали. У вас — после того, как что-то не включилось.

Джо посмотрела ему в глаза. Зрачки у него были тёмные, почти чёрные, как дуло пистолета.

— Когда начинать?

— Сегодня. Представление через час. Идите за мной.

Он развернулся и пошёл по коридору. Джо — за ним.

Они миновали ещё одну дверь, потом спустились по лестнице и оказались в большом зале. Настоящий театр. Амфитеатр кресел, обитых чёрной кожей, спускался к круглой площадке, залитой белым светом. В центре стояло медицинское кресло с фиксаторами для рук и ног. Над ним — мониторы, датчики, камеры. Всё блестело и дышало дорогой технологией.

В креслах уже сидели люди. Человек пятнадцать. Мужчины и женщины, в основном старше сорока. Хорошая одежда, дорогие украшения, лица без выражения. Они переговаривались вполголоса, как зрители перед началом спектакля в опере.

— Садитесь, — сказал Винсент и указал на свободное кресло в последнем ряду. — Первое представление посмотрите как зритель. Чтобы понимать, с чем придётся работать.

Джо села. Кресло было удобным, с высокой спинкой и подлокотниками. Кожа холодила ладони.

Свет в зале погас. Проекторы сфокусировались на арене. Из боковой двери вышла женщина в чёрном медицинском костюме. Худая азиатка с короткой стрижкой и очками-микроскопами, поднятыми на лоб. Она катила перед собой каталку. На каталке лежал мужчина — голый по пояс, с заклеенным скотчем ртом и расширенными от ужаса глазами.

— Это доктор Вонг, — прошептал Винсент, наклонившись к уху Джо. — Нейрохирург, трансгуманист, лучшая в своём деле. Она ставит чипы и ведёт операции. А это наш сегодняшний гость. Его зовут Маркус. Он насиловал детей в трёх штатах и избежал тюрьмы из-за ошибки прокуроров. Мы нашли его. Теперь он — искусство.

Джо смотрела на арену. Доктор Вонг пристегнула Маркуса к креслу, зафиксировала голову, подключила датчики. На мониторах побежали линии — мозговая активность, пульс, давление. Вонг подняла скальпель. Свет блеснул на лезвии, как вспышка фотоаппарата.

— Без анестезии, — добавил Винсент почти мечтательно. — Анестезия притупляет чувства. А нам нужна чистая эмоция.

Первый надрез. Маркус закричал сквозь скотч. Звук вышел глухим, животным, похожим на вой раненой собаки. Зрители одновременно надели на виски датчики — тонкие серебристые обручи. Их лица начали меняться. Расширенные зрачки, приоткрытые рты, румянец на щеках. Они впитывали его боль через нейроинтерфейс, как наркоманы впитывают дозу через иглу.

Джо сидела в последнем ряду и смотрела. Без датчиков. Без подключения. Она видела, как доктор Вонг делает второй надрез, как кровь течёт по груди Маркуса и капает на белый пол. Она слышала его крики, хрипы, всхлипы. И ничего не чувствовала.

Но что-то изменилось.

Впервые за много лет она поймала себя на мысли, что ей интересно. Не просто любопытно — а интересно по-настоящему. Не потому что это было зрелищем. А потому что эти люди — Винсент, Вонг, зрители в чёрных креслах — нашли способ передавать чувства. И если технология работает в одну сторону, почему она не может работать в другую? Если они умеют забирать боль у жертвы и дарить её пресыщенным богачам, может быть, они сумеют подарить чувства и ей?

Представление длилось сорок минут. Когда всё закончилось, зрители сняли обручи и начали расходиться. Выглядели они ожившими — кто-то улыбался, кто-то вытирал пот со лба, кто-то плакал от переполнявших ощущений. Маркус висел на фиксаторах без движения. Доктор Вонг сняла перчатки, бросила в лоток и ушла.

— Ваш выход, — сказал Винсент.

Джо встала. В дверях уже стояло ведро, швабра и стопка пластиковых мешков для биотходов. Она натянула резиновые перчатки до локтей и пошла к арене.

Тело было ещё тёплым. Кровь уже начала подсыхать, превращаясь в тёмную корку на краях ран. Джо взялась за щиколотки Маркуса и стащила его с кресла на пластиковую простыню. Голова глухо стукнулась о пол. Она завернула тело, заклеила скотчем и потащила в холодильную камеру.

Там уже лежали три таких же свёртка. Четвёртый лёг на нижнюю полку. Джо закрыла камеру и вернулась на арену.

Она мыла пол, когда в зале снова появился Винсент. Он сел в кресло первого ряда и закурил. Дым поднимался к прожекторам, становясь похожим на призрака.

— Ну как? — спросил он.

— Нормально.

— Не страшно? Не противно?

— Нет.

— Я так и думал. Вы идеально подходите для этой работы.

Он затаился, выпустил дым через нос.

— Деньги в конверте на столе в подсобке. Следующая смена — завтра, в десять вечера.

Джо выжала тряпку. Вода в ведре была бурой.

— Можно вопрос? — сказала она.

— Валяйте.

— Эти чипы, которые вы имплантируете жертвам. Они только записывают эмоции? Или могут передавать их в обратную сторону?

Винсент посмотрел на неё долгим взглядом. Уголки губ дрогнули.

— Вы умнее, чем кажется. Да, теоретически они могут и передавать. Мы пробовали на животных. Но человеку, чтобы принять сигнал, нужна работающая эмоциональная система. Как радиоприёмник. Если приёмник сломан, сигнал не пройдёт.

— А если его починить?

— Интересный вопрос. Очень интересный.

Он встал, потушил сигарету о подошву и бросил окурочек в ведро.

— До завтра, Джоан.

И ушёл. Джо осталась одна в пустом зале, среди ламп, мониторов и запаха свежей крови, который она не чувствовала. Она домыла пол, протёрла кресло, сложила инструменты. Выключила свет. В темноте горел только красный индикатор камеры наблюдения — как глаз зверя, который смотрит, но не видит.

Дома она достала конверт. Десять сотенных купюр. Тысяча долларов. Она положила их в жестяную коробку из-под печенья, где уже лежало пять тысяч. Закрывает крышку.

Сорок четыре тысячи до цели.

Она легла на матрас и закрыла глаза. В голове крутилась одна мысль: *«Если приёмник сломан, сигнал не пройдёт. А если починить?»*

Это был не сон. Но и не пустота.

Это было что-то новое.

Глава 4: ДОКТОР ВОНГ

На следующий день Джо приехала на Краули Стил за час до начала. Пропуск уровня «Гамма» лежал в кармане — пластиковая карточка без имени, только с магнитной полосой и тиснённым символом: стилизованная буква «Э», похожая на трезубец. Или на три капли крови, слившиеся в одну.

Коридоры были пусты. Джо шла не спеша, отмечая то, что вчера упустила. Под потолком, через каждые десять футов, — камеры с красными индикаторами. Но не все горели одинаково. Одни мигали часто, другие — редко. Джо подумала: *у них разный цикл записи. Или часть камер — муляжи*. Она не была уверена, зачем ей это знать. Но привычка фиксировать детали ввелась за годы работы в морге. Там, где нет чувств, остаётся наблюдательность.

За одной из дверей звучала музыка. Бах. Виолончельная сюита. Джо остановилась. Дверь была приоткрыта, и в щель падала полоска жёлтого света.

Она вошла.

Кабинет доктора Вонг напоминал не врачебный кабинет, а келью учёного-затворника. Книжные полки до потолка, забитые папками и справочниками. На стене — анатомические рисунки в рамках: мозг в разрезе, нервная система, строение глаза. И одна картина маслом — море. Тёмное, почти чёрное, с единственной белой полосой приборя, как шрам на гладкой коже.

Вонг сидела за столом и пила чай из тонкой фарфоровой чашки, которая смотрелась чуждо в этом подвале, полном стали и бетона. Чашка была расписана вручную — синие цветы по белому. Джо почему-то подумала, что такие вещи дарят на прощание.

— Заходи, — сказала Вонг. — Садись.

Джо села на стул напротив. Он был неудобным, с прямой спинкой — стул для посетителей, которым не положено задерживаться.

— Винсент сказал, у тебя алекситимия. Травматическая. Восемь лет, качели, удар затылком.

— Да.

— Врёт он, конечно.

Джо моргнула.

— Не то чтобы сознательно, — продолжила Вонг, помешивая чай. — Просто он любит красивые формулировки. «Пустая», «человек без чувств», «идеальный уборщик». Он так успокаивает зрителей. Им нравится думать, что где-то есть кто-то ещё более мёртвый внутри, чем они сами.

Она подняла взгляд на Джо.

— У тебя не отсутствие чувств. Это блокировка. Предохранитель, который перегорел и отключил цепь. Но цепь цела. Просто ток не идёт.

— Вы читали мою медкарту.

— Я читала твой мозг. Точнее, томограмму, которую Винсент вытащил из больницы базы. Удар повредил связь между орбитофронтальной корой и миндалевидным телом. Это как оборванный телефонный кабель. Станция работает, трубка лежит. Сигнал идёт — но не доходит.

Она отпила чай. Джо заметила, что чашка слегка дрожит в её пальцах. Не от страха, не от болезни — просто усталость. Или возраст. Вонг было около пятидесяти, но выглядела она старше из-за резкого света и глубоких теней под глазами.

— Можно починить? — спросила Джо.

— Можно. Я занимаюсь этим пятнадцать лет. Сначала — на животных. Потом — на добровольцах. Потом — на тех, кому нечего терять.

— Как Кейтлин Моррисон.

Вонг поставила чашку на блюдце. Звук вышел резким, как щелчок замка.

— Кейтлин была не пациентом. Она была носителем. Мы имплантировали ей чип, чтобы записывать эмоции во время представления. Идея была в том, что наркоман в ломке испытывает такой спектр страданий, который недоступен обычному человеку. Боль тела, боль души, боль зависимости — всё вместе. Мы думали, это будет шедевр.

— Не получилось?

— Получилось слишком хорошо. Она умерла не от передозировки. Она умерла от того, что её сердце не выдержало уровня страха. Чип зафиксировал всё до последней секунды. Это лучшая запись в моей коллекции.

Она сказала это без гордости. Скорее — с усталым удовлетворением, как ремесленник, который сделал сложную работу и знает, что никто не оценит её по достоинству.

— Вы говорите о ней как о материале, — заметила Джо.

— А ты вскрывала её как материал. Разве нет?

Молчание. Бах играл в колонке — виолончель выводила долгую, тягучую ноту, похожую на стон.

— У вас есть оборудование для операции, — сказала Джо. — Вы могли бы сделать её мне.

— Могла бы. В моей лаборатории в Балтиморе есть всё. Трансплантация аутологичных стволовых клеток в повреждённые зоны. Клетки выращиваются из твоей же костной ткани, риск отторжения — ноль. Они внедряются в миндалевидное тело и островковую долю, начинают формировать новые нейронные связи. Три месяца — и ты начнёшь чувствовать. Сначала — слабо, как через вату. Потом — всё сильнее.

— Пятьдесят тысяч.

— Пятьдесят тысяч. Винсент сказал, ты считаешь смены.

— Сорок четыре.

Вонг усмехнулась. Одна половина лица дрогнула, другая осталась неподвижной. Джо подумала: *парез лицевого нерва. Старая травма или неудачная операция.*

— Ты готова мыть полы полтора месяца? Здесь? В этом цирке?

— Мне не привыкать. Я три года мою полы в морге.

— Это другое. В морге ты имеешь дело с последствиями. Со смертью, которая уже случилась. А здесь ты будешь видеть, как смерть приходит. Шаг за шагом. Крик за криком. — Она помолчала. — Ты можешь заработать быстрее.

— Как?

— Ассистент на операциях. Платят вдвое больше. Но это не мытьё полов. Это участие.

— Я смогу.

— Знаю, что сможешь. Вопрос не в этом. Вопрос в том, что будет потом. — Вонг подалась вперёд. — Ты получишь свои чувства, Джо. И первое, что ты почувствуешь, будет не радость.

Не любовь. Не красота заката. Это будет боль. Все воспоминания, которые сейчас лежат в тебе как фотографии в альбоме, вдруг обретут цвет, запах, вкус. Мать в ванне. Тела в морге. Крики на этой арене. Ты не просто вспомнишь — ты проживёшь заново. Всё сразу. Как волна, которая накрывает с головой.

— Может быть.

— Не «может быть». Так будет. Я видела. У меня было трое таких пациентов. Один покончил с собой через неделю. Второй — через месяц. Третий живёт в закрытой клинике и рисует чёрные квадраты на стенах собственной кровью.

Джо посмотрела на картину с морем. Тёмное, почти чёрное. Белая полоса прибоя — как шрам. Она подумала: *может быть, это рисовал третий пациент*. А может, сама Вонг. В этом кабинете всё могло иметь двойное дно.

— Я хочу попробовать, — сказала она.

Вонг кивнула, будто ожидала именно этого ответа.

— Тогда приступим. Сегодня после представления останься. Я покажу тебе инструменты. И ещё кое-что.

Она встала и подошла к шкафу в углу. Достала бутылку виски и два стакана. На этикетке был нарисован ворон, сидящий на черепе. Джо отметила птицу — Винсент Корво, Ворон. Случайность? В этом месте случайностей не было.

— Выпьем, — сказала Вонг. — За твоё будущее.

— Которого может не быть.

— Будущее есть всегда. Вопрос в том, захочешь ли ты в нём жить.

Они выпили. Виски тёк по горлу — чистое физическое ощущение, факт, ничего больше. Джо поставила стакан на стол и заметила, что на дне что-то нацарапано. Цифры. 44. Такие же, как количество оставшихся смен.

Она подняла взгляд на Вонг. Та уже отвернулась к монитору.

— До вечера, — сказала Вонг.

Джо вышла в коридор. Дверь закрылась за спиной, и Бах снова стал глуше, как музыка из-за стены. Она стояла в пустом коридоре и смотрела на стакан в своей руке. Она не помнила, как взяла его с собой. Наверное, машинально. На доньшке — цифры, вырезанные чем-то острым.

Не 44. Теперь, когда она присмотрелась при коридорном свете, цифры выглядели иначе. 40. Или 04. Или вообще не цифры, а просто царапины, случайно сложившиеся в узор.

Джо поставила стакан на пол у стены и пошла к выходу. Ей нужно было подготовиться к вечерней смене.

Но мысль осталась. Как заноза. Как семя, которое ещё не проросло, но уже пустило корень.

Она знала, сколько смен. Она знала до того, как я сказала.

Глава 5: ЗРИТЕЛИ

Вечернее представление начиналось в десять. Джо пришла за час — как велела Вонг.

На арене ещё никого не было. Кресла пустовали, прожекторы не горели. Только дежурный свет — тусклый, синеватый, как в аквариуме, где забыли покормить рыб. Джо натянула перчатки и начала раскладывать инструменты, которые дала Вонг: скальпели, зажимы, пинцеты, лотки. Каждый предмет — на своё место. Порядок она любила. Порядок был единственным, что держало мир на своих осях, когда все чувства отказали.

Постепенно начали подтягиваться зрители. Джо наблюдала за ними из тени за кулисами.

Она узнавала лица. Некоторых — по вчерашнему дню, других — по фотографиям из глянцевого журнала, которые лежали в холле. Винсент не скрывал, кто сюда ходит. Зачем? Эти люди были неприкасаемы. Судьи, политики, владельцы корпораций. Те, кто пишет законы, и те, кто их обходит.

Первым вошёл грузный мужчина с лицом, похожим на тающий воск. Сенатор Джеральд Хопкинс. Джо видела его по телевизору — он возглавлял комитет по этике и публично клеймил порнографию, азартные игры и наркотики. Здесь он сел в кресло первого ряда, надел серебряный обруч и закрывал глаза, как ребёнок перед рождественским подарком.

За ним — женщина в сером. Хелен Коул, глава благотворительного фонда, который строил приюты для бездомных. Джо видела её плакаты в центре города: «Каждая жизнь имеет ценность». Здесь она занимала место в третьем ряду и никогда не надевала обруч — говорила, что хочет «слышать звук напрямую».

Ещё человек десять. Все — в дорогой одежде, с дорогими лицами, с дорогими пустотами внутри. Джо подумала: *они приходят сюда, чтобы украсть то, чего у них нет. Как воры, которые залезают в чужой дом не за деньгами, а за запахом семейного ужина.*

Один из зрителей задержался у входа. Мужчина лет тридцати пяти, высокий, с резкими чертами лица и сединой на висках, которая казалась преждевременной. Одет неброско — джинсы, тёмный свитер, никаких часов и украшений. Он выделялся именно этим: своей обычностью среди павлинов.

Он прошёл не в зал, а в боковой коридор. Джо заметила, как Винсент кивнул ему почти незаметно. Почти — но она заметила.

Представление началось.

Сегодняшняя жертва — женщина лет сорока, бывшая медсестра из дома престарелых. Винсент объявил это в микрофон, как конферансье: «Леди и джентльмены, сегодня перед вами

Анджела Рид, три года убивавшая своих пациентов ради наследства. Она думала, что бог не видит. Но мы видим. И сейчас мы станем её богом».

Зрители зааплодировали. Анджела плакала и пыталась что-то сказать. Кляп заглушал слова.

Доктор Вонг взяла скальпель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.